

по следам громких дел

ТРИ БОГИНИ СУДЬБЫ

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Оформление серии *С. Груздева*
Дизайн обложки *Н. Никоновой*
Под редакцией *О. Рубис*

Степанова, Татьяна Юрьевна.
С79 Три богини судьбы : [роман] / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (По следам громких дел. Детективы Т. Степановой).

ISBN 978-5-04-098063-5

Катя Петровская — криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД — разочарована: никакой загадки в новом деле нет. Роман Пепеляев расстрелял девять человек в центре города, потому что сошел с ума. Но почему после устроенной бойни на глазах целой толпы он не испытывает никаких эмоций? Ни удовлетворения, ни раскаяния, ни апатии. И настолько равнодушен к своей судьбе, что даже находясь в психиатрической клинике продолжает кидаться на людей? Причем агрессию вызывают молодые люди определенной внешности. Катя и полковник Гушин, не верящий ни в бога, ни в черта, явственно видят здесь некую чертовщину. И похоже, не без веских оснований...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т.Ю., 2018

© Оформление.

ISBN 978-5-04-098063-5 ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Вот ужасный, вызывающий дрожь случай про красную пивку, а вот страшная смерть и трагедия в...

*Артур Конан Дойл.
Пенсне в золотой оправе*

Глава 1

ДЕВЯТЬ СТУПЕНЕЙ

По первой дороге не уйдешь никуда.
По второй дороге не уйдешь никуда.
По третьей дороге... по этой дороге не уйдешь...
не сбежишь... не спасешься...

ВЕРНЕШЬСЯ.

Некуда бежать. Стены — потолок, стены — потолок, стены, стены... И пол, холодный как лед.

Девять ступеней вниз. Только эта дорога открыта. Только эта дорога твоя.

Не сбежишь. Не спасешься.

На смятой постели человек в мокрой от пота футболке поднял пистолет, валявшийся на полу, секунду тупо созерцал его, точно видел впервые, а затем сунул дуло в рот и нажал на спусковой крючок.

НЕ СБЕЖИШЬ!!

Выстрела не последовало, хотя патроны в магазине были. Вкус железа во рту, вкус слюны...

Пистолет лежал у кровати, до него легко было дотянуться. Но уйти **ВОТ ТАК** не получилось. **ОНО** не желало такого конца. **ОНО** цепко держало его — он был нужен, он был еще нужен. Он не сделал еще того, что **ОНО** требовало, ожидало, жаждало в своей бешеной неумолимой ярости.

ОНО появлялось перед ним по ночам и днем, взламывая сухую штукатурку, разбивая кирпич стен, испарывая старый линолеум, сплющивая в лепешку обувные коробки, привезенные с закрывшегося недавно вещевого рынка. Оно заполняло собой все пространство, показывая себя в разных обличьях, в разных своих ипостасях, медля и угрожая, добиваясь полной покорности, полного подчинения.

Смятые обувные коробки... разбитый калькулятор... бритва, кредитка, ключи от машины, пистолет...

И посреди всего этого вздыбленные словно землетрясением плиты пола. Нет, разбитое надгробие, камень могильный, который так и не был поставлен — там...

Где поставлен? Кому?

Мраморная статуя... Живая, нет, конечно же, мертвая... не существующая нигде, только, наверное, в его воспаленном мозгу, но такая реальная, осязаемая...

Статуя в виде ангела с поникшими крыльями. Вместо лица, вместо глаз — багровая рана, бурые потеки на мраморном теле, вибрирующем от боли...

Он видел это перед собой — прямо перед собой у кровати. И за окном, и на стенах, и отраженным в зеркале. Оно заставило его встать и приблизиться к зеркалу. А потом схватилось когтистой мраморной лапой за одно из собственных крыльев и с чудовищной силой рвануло его, выворачивая в суставе, с хрустом дробя кости. Мраморное крыло, покрытое чешуей, — оторванное крыло упало к его босым ногам, обрызгав ступни чем-то горячим и липким. И он закричал, видя свое отражение в зеркале — не себя, нет, своего двойника, который, впившись в собственную руку, со звериной яростью выкручивал ее в суставе, пытаясь оторвать, вырвать с корнем... Оторвать, вырвать, сломать, помогая себе ножом и зубами, превратившимися в клыки...

ОНО наблюдало за ним с довольной ухмылкой... Оно добивалось полного подчинения, полной власти. А такую власть давала только боль — эта дрящущаясь день за днем, ночь за ночью пытка.

Когда он охрип от крика, когда сердце его готово было разорваться, Оно сжалилось... Нет, просто чуть ослабило хватку. Оно не хотело убивать его — пока, потому что он был нужен. Он еще не исполнил своего предназначения в полной мере.

Шурша чешуей по разбросанным по полу обувным коробкам, Оно ползло к нему, сжавшемуся в комок в узком ущелье между кроватью и зеркалом.

Он, еще не опомнившийся от боли, втянул голову в плечи. Нет... нет, не сейчас, ну пожалуйста, нет, не сейчас...

Оно накрыло его собой, как ночь накрывает землю, забив рот вонючей чешуей, чтобы он больше не мог ни кричать, ни стонать, стиснуло в кольцах объятий и повлекло за собой.

Девять ступеней...

Всего девять ступеней вниз...

Только эта дорога открыта...

Только эта дорога, и кто-то уже выбрал ее для себя.

Смятая постель, обувные коробки от пола до потолка, зеркало в простенке, мужские кроссовки, кредитка, ключи от машины...

Вот тут у кровати был пистолет.

Теперь его нет.

Девять ступеней вниз...

На полу возле зеркала среди сплюснутых обувных коробок — окровавленное крыло, покрытое змеиной чешуей, в электрическом свете распадающееся на части...

Такого теплого ясного вечера на Старом Арбате не случалось давно. Возле театра имени Вахтангова золотая Турандот купалась в сверкающих на солнце струях фонтана, окруженная толпой горожан и туристов, собравшихся в ожидании театрализованного представления уличных мимов и клоунов. В роли мимов и клоунов выступали студенты театральных вузов — пестрая банда в невероятных париках и костюмах двигалась по Арбату. Рыжий мим дудел в саксофон, его собрат, наряженный сексапильной брюнеткой в корсете и розовой пачке, бил в литавры, позаимствованные в театральном оркестре.

Голуби, вспугнутые шумом, взметнулись с мостовой, закружили над статуей Турандот, над фонтаном, над крышами, а потом снова чинно уселись на бетонных плитах стройки, вплотную примыкавшей к зданию театра. Возведено было уже три этажа железобетонных конструкций, опутанных арматурой, огороженных хлипким забором. Над всем этим торчал кран, но рабочих в этот час на стройплощадке уже не было. Арбатским голубям, оккупировавшим бетонные проемы, никто не мешал наблюдать с верхотуры за уличным действием.

Туристы и просто прохожие стекались к фонтану, привлеченные звуками музыки. Театральная банда встала на якорь у дверей Дома актера. Саксофонист выкаблучивался как мог, появилась пара гитар, импровизированный ударник. Мимы начали разыгрывать сценки, и зрители, толком ничего не понимавшие в уличном перформансе, встречали их шумом и аплодисментами. Кто-то из туристов фотографировал, кто-то снимал на видео.

— Это гей-парад?

— Что вы, это просто актеры, студенты.

— А чего ж парни с накрашенными губами, в юбках?

— А почему нет? Прикольно же!

— Ой, девчонки, а я вон того блондинчика по телику видела в сериале... Эй, это вы на «СТС» хохмили? Нет? Ну очень похож...

— Отойдите, не видите, я снимаю...

— Понаехали тут! На своем собственном Арбате уж и шагу не ступить...

— Э-э... простите великодушно, это конгресс дураков?

— Какого хрена!

— А зачем они все такие ряженые?

Актеры танцевали. В вечернее небо над фонтаном взметнулись шары. Внезапно голуби, гревшиеся в закатных лучах на бетонных плитах стройки, взмыли вверх. Их кто-то спугнул с насиженного места.

Все внимание собравшихся на маленькой площади перед фонтаном было поглощено представлением. На стройку никто не смотрел — на шершавые бетонные блоки, зияющие проемы, ощетинившиеся железными штырями.

В ту сторону, щурясь от солнца, бившего прямо в глаза, глянул мельком только продавец сувениров, скучавший у своей палатки. Уличный перформанс отвлек всех потенциальных покупателей. Майки с надписью «СССР», армейские ушанки с кокардами, вязаные варежки и матрешки, которые обычно шли нарасхват у доверчивых иностранцев, сейчас сиротливо лежали, висели, качались на ветру, не востребованные.

Весь вечерний Арбат смотрел на представление. А торговец сувенирами, ненавидевший артистов, этих сволочей конкурентов, упрямо и тоскливо пя-

лился в противоположную сторону — на фонтан, на забор, облепленный афишами, на витки ржавой арматуры, на испуганных голубей...

Сначала он подумал — ему ЭТО мерещится. ТО, ЧТО ОН УВИДЕЛ в бетонном проеме третьего этажа строящегося здания.

На самом краю бетонной плиты стоял человек. В его руке был пистолет, и он целился сверху прямо в толпу — в студента, наряженного в корсет и розовую балетную пачку.

Бах!

Это был не выстрел. Ударили медные литавры театрального оркестра.

Торговец сувенирами зажмурился. Потом открыл глаза. И не узрел того, что видел секундой раньше. Бетонная площадка была пуста.

ПОМЕРЕЩИЛОСЬ... Торговец невольно вытер вспотевший лоб. Слава богу, померещилось... И при-видится же такое, вот черт... А все жара... Торчишь на улице день-деньской, бабки с приезжих выжимаешь... ушанки армейские, матрешки... вот черт...

Он отвернулся от стройки и потихоньку начал сворачивать свой сувенирный ларек. Театральная банда входила все больше и больше в раж. Студенты отрывались от души, веселились сами и хотели развеселить Арбат. Они не получали денег за этот уличный карнавал, и поэтому желание веселиться и веселить было искренним. Долой скуку! Долой кислые, озабоченные, хмурые, злые морды! Да здравствует саксофон, да здравствует розовая пачка! Губная помада! Старый котелок, стоптанные каблуки, рыжий парик, да здравствует ментик гусарский с оторванным аксельбантом и мятая шляпка, славная шляпка из итальянской соломки!

Женюсь, женюсь, какие могут быть игрушки...

Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры,
дети...

Но вы, но вы, мои случайные подружки...

А нам все равно, пусть боимся мы волка и...

I love you Dolly...

Близится эра светлых годо-о-ов, клич пионера —
всегда будь...

ЭТОГО НЕ УВИДЕЛ НИКТО ИЗ СОБРАВШИХСЯ НА ПЛОЩАДИ У ФОНТАНА. Даже бдительный торговец сувенирами, который посчитал, что ВСЕ ЭТО ему померещилось.

По железному каркасу строительной арматуры, нависавшей над забором, ловко и бесшумно, как акробат, в мгновение ока спустился человек и смешался с толпой. Выбранная им ранее позиция наверху на строительной площадке его не устроила. Цели были слишком далеко. Нужен был близкий, максимально близкий контакт.

Человек широко расставил ноги, упиравшись крепко в плиты мостовой. Он что-то сказал сам себе негромко, но в шуме фонтана это слышала только статуя — золотая Турандот — бесстрастная и лукавая.

Она не могла, да и не собиралась никого предупредить. Она лишь наблюдала сквозь прозрачные струи.

Человек вскинул руку — цели были прямо перед ним.

Такие вечера вспоминаешь потом долго-долго... И жалеешь о них, о чем жалеешь? Да так, просто так...

У полковника милиции Федора Матвеевича Гущина было самое сентиментальное и самое меланхоличное на свете настроение. Первые дни лета, семейство дражайшее — супруга и теща — на

югах, в тихой Анапе, где вот уже третий сезон подряд снимают у знакомой хозяйки комнату в получасе ходьбы от моря. Сын — курсант Высшей школы милиции — в мае месяце женился. Обалдуй. Не мог дотерпеть уж, курс последний кончить... Сейчас не до отца, молодожен, ешкин корень...

А тут старый товарищ из министерства позвонил под конец рабочего дня. И ну соль на раны сыпать, а потом соблазнять адски. Как там настроение, Федя? Как раскрываемость в конце месяца? Как там ваш доблестный областной уголовный розыск? Пашет? Устал пахать? Зашиваетесь вконец — ну-ну... А не хочешь ли под занавес, на излете, перед пенсией, которая уже не за горами, перейти к нам в министерство? Должность солидная, тихая гавань, кабинет окнами на французское посольство, и зарплата как-никак побольше. Есть смысл обсудить предложение?

Встретились обсудить за коньячком под шашлычок на Арбате в грузинском ресторане, что, как горные сакли, громоздился уступами в переулке прямо за новехоньким торговым центром.

Вот так посидеть широко именно в грузинском ресторане ПОСЛЕ «пятидневной войны» — в этом был свой кайф. Федор Матвеевич Гущин аж плечи расправил и после каждой рюмки вытирал платком лысину. Демонстрируем все... А кому, скажите? Шиш под одеялом... А кому? Сидим все в одной общей ж... извините, подвиньтесь, а тоже еще... Ну а ты что скажешь мне, старый мой министерский кореш?

Министерский только кряхтел, закусывая чахохбили. Эх, да что там, Федя... был союз нерушимый, была страна, и какая страна... А теперь... «Пятидневная война» — дожили, называется... Кавказ подо мною... Живут ведь все там столетиями на одном

пяточке среди гор, и вот поди ж ты — режут друг друга, взрывают. Дикость, а культурные вроде люди, цивилизованные, когда-то вообще одним народом считались — великий, могучий, советский... А теперь кланы, родо-племенной строй... Порядок нужен, дисциплина, а где это все? Где?! Слыхал, как хриплый очкарик Шевчук поет: «Я умереть за родину готов, но у меня тара-ра-ра семья и дети»... Так-то, друг, не на одном Кавказе все по швам трещит. Вон слышал про майора-то, начальника ОВД? Китель надел, достал пистолет и давай... и давай одиночными прицельно... в супермаркете. Как после такого майора в глаза-то смотреть, как отвечать людям — почему, за что... Никогда ничего подобного, сколько мы с тобой служим, сколько министров пережили, сколько проверок с рук сбыли долой, сколько сил, нервов службе отдали, сколько убийств раскрыли, сукиных детей этих на нары определили — и все получается коту под хвост. Один майор пришел, вынул пушку, перестрелял, и все в тартарары.

НЕ ВСЕ. РАЗБИРАТЬСЯ НАДО.

Федор Матвеевич Гушин аж стукнул по столу кулаком, так что шашлык подпрыгнул и тарелка с лобио в грузинском-то ресторане, где все забрано светлым деревом, где сакли громоздятся по уступам горным, где свисают с потолка связки лука и сладкие чурчхелы, где тихо и стройно поет в динамике хор заздравный «Мравалжамиер».

Надо, Федя, надо. Надо разбираться, только вот поди разберись...

Сам черт не разберется...

Насчет перевода в министерство, в тихую гавань, даже после коньяка под шашлычок Федор Матвеевич Гушин, несмотря на все хитрые посулы, будировать тему не стал. Обождет... может, позже, когда уж

совсем станет тяжело, неумогу, да и здоровье пока еще позволяет...

Расстались, обсудив все насущное и не очень — от политики до министерских сплетен кто куда назначен и кто чей, расстались умиротворенные.

Такие вечера, господи ты боже мой, не так уж и часто выпадают в жизни. Редкое удовольствие, наверное, потому и жалеешь потом, вспоминаешь в своем одиночестве в прокуренном кабинете, где только-только прахом пошло совещание...

Вечер тихий...

Семейство на югах...

Один...

Арбат старый...

Музыка, джаз...

Дамы красивые... Сколько красивых, оказывается, бродит... А в машине едешь, ни хрена не замечаешь, все спешишь — новое убийство, банк ограбили, башку кому-то снесли...

Сколько женщин, однако, бродит вечерами по Арбату, одиноких, симпатичных...

И все куда-то туда семят каблучками — в сторону фонтана, там музыка...

Полковник Гушин достал из кармана шегольского пиджака сигареты, неторопливо, с достоинством прикурил, ощущая запах дыма, запах вечернего воздуха, аромат кофе, доносящийся из многочисленных арбатских кофеен.

Оглянулся на грузинский ресторан — мир вашему дому, генацвале, и...

ВЫСТРЕЛ!

А следом за ним еще один, а потом еще и еще. И еще.

Позже, когда ВСЕ ЭТО уже стало достоянием уголовного дела, возбужденного по факту КРОВАВОЙ

БОЙНИ у фонтана, всему происшедшему нашлось даже слишком много свидетелей и очевидцев.

И все в один голос твердили: ничто не предвещало. Никто и подумать-то не мог. Просто стояли на Арбате у театра, у фонтана, слушали музыку, смотрели на актеров — потешные такие пацаны, ряженные, и вдруг...

Что было сначала, а что потом? Что было первым, а что вторым? Вой саксофона, крик боли, грохот литавр и еще какой-то звук, который в толпе сначала приняли за хлопок петарды. Но это была не петарда.

Актер в корсете и розовой пачке внезапно дернулся и рухнул навзничь как подкошенный. Из пробитого горла фонтаном ударила кровь.

И только тут все разом оглохшие, онемевшие зрители, вся эта толпа туристов, актеров, музыкантов, зевак увидела ТОГО, КТО СТРЕЛЯЛ.

Он был самой обычной наружности. Среднего роста, коротко стрижен и вроде молод. Он стоял, широко расставив ноги, подняв руку с пистолетом, — стоял прямо в толпе зрителей. От актера в розовой пачке его отделяло каких-нибудь пять шагов.

Но и тогда еще толком никто ничего не понял. Все просто обалдели, замерли. Человек с пистолетом повернулся и выстрелил в голову саксофониста. Потом сделал несколько шагов вперед и выстрелил еще раз — в актера с длинными светлыми волосами, собранными в хвост, одетого в гусарский ментик.

И только после этого арбатская площадь огласилась криками. Люди подались назад. Кто-то упал в фонтан, кого-то смяли, прижали к забору стройки. Все бросились в разные стороны, толкая друг друга, сбивая с ног.

Человек с пистолетом повернулся как робот, выбирая новые цели. Теперь он стрелял как в ти-